Юлия Лоншакова

Фантом ули

Юлия Лоншакова

Фантом улитки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11611513

Аннотация

Марьяна замужем, живет в Москве и мечтает о ребенке. Но однажды вихрем в ее жизнь врывается новая любовь. И Марьяна вступает в игру судьбы, коварство которой очевидно так же, как и ее великодушие. Девушка влюбляется без оглядки, но теперь всё чаще к Марьяне приходит женщина, роковая красавица, вершившая судьбы в Париже 19 века. Марьяша счастлива, но иногда чувствует, что опасность ходит совсем близко.

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 15
Глава 3 21
Глава 4 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Фантом улитки
Юлия Лоншакова

Тройная правда и тройной порог.
Поэты, этому верному, верьте.
Только об этом думает Бог:
О Человеке. Любви. И Смерти.
З. Н. Гиппиус

© Юлия Лоншакова, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

В тот вечер я спешила к самому прекрасному мужчине на Земле праздновать день рождения самого любимого человека. Ни сентябрь, проворно прогнавший лето, ни моросящий дождь, не могли поселить в моем теле тлетворную хандру, справиться с которой осенью обычно кажется невозможным. С зонта стекали холодные ручейки, руки мерзли, ветер трепал волосы, а косой дождь, кажется, нарочно пытался смыть тушь с ресниц, но я была самой счастливой, укрывая платком янтарные хризантемы, пахнущие яблоками, грибами, прелой листвой и острым перцем одновременно.

К дому я подошла совершенно мокрая, почти не следа не осталось от тщательно созданного образа леди, поднялась на третий этаж и позвонила в дверь. Она отворилась, и передо мной стоял высокий мужчина. Сегодня он был по-особому красив: темные волнистые волосы, мягкий, но одновременно уверенный взгляд карих глаз, выражавших безграничную любовь, таящих пытливый ум и решительность.

– Дорогая моя леди, скорее заходи! Ты сегодня прекрасна! – он улыбался той обаятельной улыбкой, доброй и открытой, беззастенчивой и ласковой, которая всегда вселяла в меня уверенность, что всё в нашей жизни будет славно.

Я бросилась ему на шею, тараторя от переполнявших меня эмоций бессвязные предложения:

– Я так соскучилась! Нас отпустили так поздно! Я так торопилась к тебе! И смотри у меня новая юбка! И, между прочим, экзамен я сдала на «отлично»! Теперь мой итальянский еще лучше! И, вообще, здравствуй, мой самый любимый, любимый, любимый папочка!

– Ты у меня молодец! Проходи скорей! – ответил он.

– Я так рада тебя видеть! Поставь цветы в вазу! – восклицала я.

Из гостиной струился бархатистый свет, и пахло лилиями.

– Папочка, наконец-то я дома, в лагере было нескучно, но иногда я так тосковала. – сказала я, обернулась и, смеясь, воскликнула. – Ух-ты, как постарался! Какой красивый стол накрыл!

– Не преувеличивай! – слукавил он, отодвигая для меня стул.

Сам сел напротив и сказал, наполняя бокалы:

– Тебе на прошлой неделе исполнилось четырнадцать – могу угостить тебя шампанским. Сначала за тебя! Будь самой счастливой! Дорогая, я безумно соскучился, жду повествования о твоих итальянских каникулах и юношеских приключениях, но это завтра.

Папа встал и положил рядом со мной книгу в кожаной обложке.

– Теперь давай выпьем за маму, сегодня был бы ее тридцать девятый день рождения, – тихо произнес он, но слез не было, лишь грусть в глазах, там, где должна быть радость, и печальное сияние там, где должен быть сверкающий блеск.

Я была в замешательстве: папа никогда не показывал мне такую меру тоски по маме, никогда не становился таким серьезным в мамин день рождения, который уже долгое время отмечает без нее.

– Что это за книга, пап? – растерялась я, и, пытаясь шутить, сказала. – Неужели ты выбрал для меня литературу, которая станет первой ступенью во взрослую жизнь?

– Ты права: я подобрал для тебя книги, но эта не одна из них. Это мамин дневник, – спокойно произнес он, не отреагировав на мою иронию, – прочти его сейчас. Можешь задавать любые вопросы, я готов к этому! Но и ты будь готова, милая, что всё написанное сильно повлияет на твою жизнь.

В одну секунду на мои плечи рухнули путы, колючие и тугие.

Глава 1

…Она спешила куда-то, стучала каблуками по мостовой так пронзительно, что уши закладывало. Ярко-лиловое платье атласной парчи, ажурные перчатки, шляпка с вуалью, сирень в волосах. Красавица. И только свежесть этого апрельского утра готова была поспорить с ее красотой. Воздух наполнял аромат тюльпанов и нарциссов, тянувшийся из Тюильри, где согласно таинственной записке ее ожидало нечто. И аромат, словно живой дух, манил ее туда. Сердце билось в груди от торопливых шагов, но проходя мимо церкви Мадлен, она остановилась и, посмотрев на небо, лазурное, с молочной дымкой перистых облаков, прошептала «мерси». Стая торопливых птиц взметнула в небо с тревожным криком, как будто испугавшись этого пронзительного шепота, а мимо ее глаз, кружась, опустилось на землю пушистое перо. «Воронье», – отметила она и подняла его с земли. «Неужели он не понимает, не знает силы моих чувств, моей любви, ее безграничности, ее беспринципности, неужели я должна прибегать к этому?» – вопрошала она невидимого собеседника. Ни то Бога, ни то Дьявола.

Я видела блеск ее черных, как маслины, глаз, насмешливых, с толикой безумства, страха, поразительной воли, коварства, беспечности, благородства, смелости и беспощадности. Ее тень на асфальте была похожа ни то на летящего ангела, ни то на танцующего черта: так менялся темп ее шагов и пластика движений. Дойдя до ворот Лувра, она сняла перчатки и еще раз прочитала письмо: «Мадам, я достал все, о чем Вы просили. Но, право, будьте осторожны! Я закопал сверток у четвертой на аллее липы, у дороги, если стоять спиной к Дворцу. Жду Вас вечером в „Красной мельнице“, после полуночи». Она глубоко вздохнула и зашла в парк. Верно определила описанное дерево, заметив недавно взрыхленную почву, вытащила небольшой сверток в серебристой хрустящей бумаге. Осмотрелась со сноровкой шпиона, поднялась и быстро пошла в сторону Елисейских полей.

…Я уже третий день не могу есть и меня постоянно рвет от этих таблеток. Врач говорит, что надо потерпеть, организм адаптируется к лекарству. Пью воду литрами, иначе спазмы терпеть невозможно. От воды уже тоже тошнит. Почему меня тошнит от воды, от гормонов, но не от токсикоза? Мы с мужем уже шестой год пытаемся родить ребенка, и все без толку. Врачи твердят, что не надо отчаиваться, продолжайте стараться. Стараться!? Смешно! Шесть лет! «Зачем ходить в планетарий, если исчезли звезды?» – спрашиваю мужа. «Марьяша, но солнце еще не погасло,» – отвечает любимый с грустной улыбкой. Солнце не погасло, солнце не погаснет никогда, даже когда угасну я, даже когда окончательно станет понятно, что на свет не появится Человек, прекрасный, добрый, сильный.

Вчера полночи разговаривали с Аленой. Она меня поддерживает и понимает. Муж только поддерживает. Последние месяцы я вижу, что Олег смирился с ситуацией и стал очень много времени уделять ресторану. Решил окунуться в работу. С головой. Под тяжестью ситуации. В субботу мы были в кинотеатре, сеанс был поздний, а фильм скучный, решили погулять перед сном. Конец марта у меня всегда ассоциируется со слякотью, мокрым снегом и влажным воздухом. Ветер хоть и холодный, но уже одаривает сладким запахом весны, кажется, слышишь запах каждой лужи, ствола каждого мокрого дерева, каждого прошлогоднего прелого листа, празднуешь день рождение каждой молодой почки. Мы шли по парку, лениво перекидываясь незначительными фразами и, вдруг муж остановился, развернул меня лицом к себе, взял за плечи и спросил: «Марьяша, а если бы ты точно знала, что с другим мужчиной сможешь родить ребенка, ты бы ушла?» Я смотрела на него во все глаза, никогда, ни разу эта мысль не приходила мне в голову, я словно остолбенела: А разве у меня есть на это право? И ответила: «Нет… нет… Нет!» Я увидела слезы в глазах своего мужа,

такого сильного, красивого, способного показать мне их: «Марьяша, все будет хорошо, обязательно».

Олег продолжал произносить какие-то слова в утешение, но для меня они слились в монотонный шум, а в голове теперь стучало: «Или у меня есть на это право?» Я перебила его: «А ты?» Он остановился: «Я хочу детей, но я предан тебе и буду верен только тебе». Теперь мне стыдно за разрастающийся в голове побег сомнения, зерно которого бессознательно было посеяно любимым мужем. Прости.

…Покинув сад Тюильри, она отдышалась и мерно пошла по Елисейским полям. Она была взволнована, и ее мучила жажда. Солнце уже перекатилось за полуденную отметку и начинало припекать. Ей хотелось спокойно сесть и открыть манящий сверток. Дойдя до Триумфальной арки, свернула направо и оказалась в паутине тихих парижских улиц. Заметив небольшой трактир в подвале одного из домов, спустилась по ступеням. Достаточно укромное место. Внизу было прохладно. Утолив жажду стаканом воды, стала пить кофе с бриошью. Заметив на себе удивленные взгляды моряков, видимо только недавно вернувшихся на берег Бретани, ворвавшихся в Париж и желающих забыться, вдруг осознала насколько нелепо выглядит в этом заведении. Все-таки неподходящее место. Ей следовало быть осторожнее: состоятельная дама. Дорога домой сильно утомила ее. Брать экипаж она не решилась, чтобы не привлекать внимание. Последнее время мучительные приступы страха настигали ее внезапно – днем, под ярким солнцем, вечером, посреди переполненных парижских бульваров. Часто. Слишком. Дома она попросила не беспокоить и пошла в спальню. Сон был неспокойный, липкий, как смола, горячий, а временами ледяной. В половине шестого в комнату постучала горничная: «Мадемуазель, к Вам месье Реми».

Ничего не оставалось – его придется принять. Не успела она ответить, как Реми стремительно ворвался в комнату, кинул на оттоманку плащ и закричал: «Как Вы посмели уйти? Разве мы не условились? Дорогая, Вы принимаете лекарства и соблюдаете прописанный Пьером режим! Боже, как я устал от Ваших выходок! И вот казалось – Вы угомонились! Ан нет! С утра мне сообщают, что видели Вас у Мадлен! Это неслыханное дело! То есть все договоренности к черту?!»

Реми, то срывал голос, то почти шептал, нервно размахивая руками и напоминая ни то хищника, запертого в клетке, ни то зайца, спасающегося от наводнения. Обычно степенный, уравновешенный, казалось, сейчас он, то ли лопнет от яростного бессилия и неспособности воздействовать на эту женщину, то ли расплавится, как снежинка, на ее горячей ладони. Он осознавал, что абсолютно не властен над ее разумом и от того страдал еще больше. Писатель, заставляющий тысячи окрепших умов поверить ему, внимать простым словам, возведенным им в абсолют, видеть истину там, где была лишь его провокация, не мог повлиять лишь на нее одну.

Во время этого пылкого монолога она лежала с полуприкрытыми глазами, замерев, даже веки ее были неподвижны. Потом резко встала: надо прогнать его немедленно. Но в следующую секунду она вспомнила о назначенном свидании и испугалась, что столь дерзкое поведение повлечет домашний арест. Безусловно, никто не имеет прав брать над ней шефство, но Реми желает ей только добра, заботится о ней же самой. Она вредит, он лечит. Она тонет, он спасает. Она осеклась и села обратно. От простыней пахло лавандовым мылом и полынью.

– Дорогой, мне хотелось помолиться, – оправдывалась она.

– Но ты не заходила в церковь.– парировал Реми. – Жак заметил тебя случайно, но не решился следовать дальше без моих указаний. Помолиться!? Ты не находишь, что Нотр-Дам немного ближе? – саркастически прищурился он.

…Не люблю воскресенья. Именно поэтому каждое воскресенье стараюсь скрасить. Рано утром Олег ушел в ресторан, а я решила посвятить первую половину дня искус-

ству и отправилась в гости к импрессионистам. Думается, что я до конца жизни буду предана именно этому направлению: яркому, счастливому, сиюминутному, энергичному, пульсирующему дыханием жизни. День намеревался быть солнечным. Счастливый апрельский. На Кропоткинской было многолюдно. Кто-то стремился в Храм Христа Спасителя, кто-то в Пушкинский музей, кто-то намеревался перейти на другой берег по Патриаршему мосту. Именно с этого моста открывается чудесная панорама Москвы, это мое самое любимое место в городе. Вид завораживает: безграничный простор, но в тоже время из-за смешения стилей вокруг ощущаешь себя внутри сказочной шкатулки. И слышишь музыку внутри себя. И слышишь музыку вокруг. Слева от Пушкинского музея находится чудесный флигель разбеленного цвета Тиффани – музей искусств стран Европы и Америки. Мой любимый цвет и моя любимая галерея. Часами могу ходить по ее залам, питаясь энергией мастеров.

Но сегодня все получилось иначе. Не случилось часов, не случилось мастеров. Где-то между Гогеном и Сислеем (горячо мною любимым) появился он. Я заворожено смотрела на стога сена, и вдруг кто-то дотронулся до моей руки. Нет, не до плеча, не до локтя. До моей ладони. Теплой рукой. Я не одернула свою. Какая-то невероятная энергия внутри притупила все рефлексы, все инстинкты. Напоминало пароксизм паралича. В следующую секунду, хотя мне казалось, что я стояла, как истукан, очень долго, я увидела перед собой лицо. Сказать, что меня столкнули в бездну? Этого мало! Сказать, что меня толкнули в пещеру с тигром? Недостаточно! Я пропала! Увидела голубые напряженные глаза, обрамленные пушистыми, исключительно несбалансированными ресницами, как сотни щеточек майского жука, и поняла, что мы знакомы тысячу лет, что мы ходили рука об руку, преодолевая километры расстояний, разговаривая на всех языках мира одновременно, что мы были на всех континентах, танцевали все известные человечеству танцы, и наш слух лелеяли миллионы звуков. Я послушалась его и вошла в отворенную дверцу в лабиринте тысяч дверей, скрывающих миллионы атриумов, наполненных ароматом пионом, извилистый маршрут которых таит чащи эдемского сада. И меня угораздило шагнуть.

Теперь я спрашиваю себя: неужели во мне всегда жил этот грех? Или это проявление материнского инстинкта? Могу ли оправдывать себя неведомой силой, которая управляет мной? Едва ли. Любому отвратительному поступку можно найти оправдание именно внутри самого себя. Но легко ли пойти на сделку со своей совестью, получится ли у меня долго гулять по Уолл-стрит? Я не знаю!

…Как только влажная апрельская ночь накрыла Париж, она стала собираться. Костюм был удобный, не подчеркивающий ее благосостояния, но и не выделяющий ее из клики обывателей «Красной мельницы». Нетипичная товарка обычной кокотки из парижского кабака. До холма Монмартр ее довез заранее нанятый экипаж. Дальше шла пешком.

Она любила этот район: взбалмошный, задурманенный, опасный, таинственный, свободный. Наполненный запахом масляных красок и абсента, дешевых духов и кружев, пудры и париков, запахом свободы и дозволенности, порока и самопожертвования, нищеты и бесчестья, дурмана и греха, славы и забвения. Здесь рождались гении. Гениями тут умирали. Отовсюду слышались крики, смех, звон стекла, плач, хохот, брань, пылкие признания. Здесь в течение ночи возможно веселиться на свадьбе и горевать на похоронах. Где-то фонари горели ярким светом, где-то было болезненно темно. Несколько пьяных скабрезно окликнули ее, она обернулась, и от ее огненно-ледяного взгляда сердце замерло у всех троих. Она беспокоилась, что из-за всей суматохи с Реми не имела возможности раскрыть сверток. Оказавшись у «Красной мельницы», обернулась и степенно спустилась внутрь. Сразу заметив будущего собеседника, прошла к столу.

– Доброй ночи, мой друг, – дотронулась до плеча сидевшего спиной мужчина.

Он обернулся. Это был молодой человек, курчавые светлые локоны обрамляли мужественный абрис лица, ему было около тридцати лет, он был наделен той нетривиальной красотой, которая пленит неизвестно чем.

Он поднялся, поцеловал ее руку и ответил:

– Я опасался, что Вы не сможете прийти, мадам! Но все в порядке!

Они сели за стол, где уже стояла бутылка красного вина, стаканы и деревянная дощечка с сыром. Он продолжил:

– Я в смятении. От Вашей просьбы. От моего содействия. От моего участия в этом. Вы открыли сверток?

Она отрицательно покачала головой.

– Так даже лучше. Я смогу объяснить все по порядку. Вы же не забыли его? – он посмотрел на нее.

Кивнув, она достала сверток и наконец освободила содержимое от бумаги. И он и она одновременно почувствовали жар, волнение и странное ощущение неотвратимости рока. Сухая индийская трава, испускающая отвратительный запах болота, куски вулканического камня, порошок морфия, непонятные петушиные кости, красная жидкость в крошечном стеклянном пузырьке, какой-то пепел, розовые лепестки и прочие трудно опознаваемые вещи.

– Обряд необходимо совершить в Вальпургиеву ночь. В полночь. Вам, дорогая, придется пойти сначала на площадь Вогезов, а затем на бывшую Гревскую. Магия вершится только там, где в схватке борются рок судьбы и воля человека. – он перевел дыхание и продолжил.– Вогезская площадь была местом, где по нелепой случайности во время рыцарского турнира погиб король Генрих II. И невольным виновником его смерти был граф Монтгомери. А казнили графа впоследствии по приказу Екатерины Медичи именно на Гревской площади. И Вы должны под каждым из четырех фонтанов на площади Вогезов закопать приготовленное снадобье. Затем на Гревской площади Вы прочтете молитву и выпьете тринадцать капель зелья. А первого мая утром мы увидимся, и Вы передадите мне ровно одну шестую часть приготовленного.

Она слушала его внимательно, еле дыша. Несколько минут молчала, затем тихо произнесла:

– Я думала смогу сделать это гораздо раньше. Если бы Вы знали, как тяжко для меня ожидание. Но, право, я благодарна Вам, Себастиан. Если бы не Ваша помощь, – в ее глазах стояли слезы, – спасибо, милый друг.

Он улыбнулся в ответ горькой улыбкой.

– А теперь не томите и поведайте наконец рецептуру, – секунда, и она уже заговорчески улыбалась.

– Вы мне нравитесь все больше, – его губы растянулись в улыбке, а в глазах появилось волшебное озорное свечение. Изумрудно-зеленый свет с янтарными одуванчиками.

– Дорогой друг, как и Вы мне, – ответила она.

– Итак, рецептура, как и сам обряд, очень древние, я несколько сомневаюсь в точности перевода, но будем рассчитывать на правильность. Есть один нюанс: Вам понадобится кровь девственницы, – предупредил он.

– И как Вы себе это представляете? Где я возьму такую кровь? Где я вообще возьму кровь? – ее глаза округлились.

– Наверно там же где я взял это! – он достал из кармана крошечную бутылочку и пояснил, – кровь мужчины, вот сок африканского растения Betrayloneta Purpurra, – он указал на пузырек на столе, – и третьим ингредиентом будет кровь негрешившей женщины.

– Готова поспорить, что Вы не сумели найти безгрешного мужчину! – она вдруг захохотала.

– С трудом! Поэтому ее так мало! – он рассмеялся в ответ.

– И тем не менее вопрос остается открытым, – задумалась она, – Может быть Женевьева.. Вы помните ее?

Он вздрогнул, тело похолодело, и на лбу выступила испарина. Дрожавшей рукой он приложил платок к лицу. Но она ничего не заметила: так была погружена в размышления.

– Нет, не помню, – он совладал с собой.

– Странно, я часто вижу ее в Мадлен, она подолгу разговаривает с Вашим братом, и, кажется, влюблена в него, – пояснила она. От ее голоса воздух наполнился звоном холодного металла.

Только одна мысль теперь стучала в его голове: как спасти Женевьеву? Бескорыстную трепетную. Чистое юное создание. Такого исхода ситуации он не ожидал. Не подозревал, что ее выбор падет на нее. Невинная девушка не должна пострадать из-за страстей и похотей другой. Он желал быстрей закончить разговор и подумать:

– Позвольте, я продолжу. Итак, вы смешаете все три составляющих и добавите семена вот этого растения. Сделать это следует в полнолуние, именно в полночь. Затем подогреете до пятидесяти градусов и перельете в пузырек. Пойдете и закопаете его на площади Вогезов, в середине. Остальные ингредиенты необходимо прямо сегодня положить под подушку, а в ту же ночь залить стаканом кипятка до утра и затем процедить. Бутылочку с этой жидкостью до семи утра первого мая передадите мне. Вы запомнили?

– Да-да, – растерянно ответила она, поглощенная своими мыслями.

Выйдя из «Красной мельницы», они молча разошлись в разные стороны. Себастиан после расставания с ней жаждал чистого воздуха. Торопливо, тяжело дыша, зашагал к Сене, жадно вдыхая порывы ветра. На улице было свежо. Была та самая временная граница, когда ты еще в плену у ночи, с ее волшебным ощущением всевластия, покорности всего мира тебе и только тебе, его готовности потакать всем твоим прихотям, но рассвет уже стоит около запертой двери и начинает звенеть ключами, отбирая эту силу, бесцеремонно демонстрируя, что ты песчинка в космосе, безропотная и безвольная, гонимая отовсюду всяким дуновением. И все едва заметно просыпается, небо чуть светлеет, и звуки становятся звонче, наглее. И магия растворяется, перед тобой возникает реальность нового дня.

Он остановился на мосту Каррузель и уставился в темные воды Сены. Переводил взгляд на небо, потом на громадину на площади Этуаль, опять на воду. И думал: «Необходимо или предупредить Женевьеву, или спрятать ее где-то, или сразу достать другую кровь».

….С первой же секунды он понимал меня с полуслова, будто был моей душой и разумом в прошлой жизни, а в этой – станет смыслом и вдохновением. Пытаюсь, но не могу уравнять на внутренних весах мои чувства к нему и к мужу. Силюсь найти баланс, но понимаю насколько безумна и бессмысленна эта затея. Теперь я люблю его, теперь я не люблю мужа. И я обманываю Олега. Но я настолько счастлива сейчас, сегодня, в эту секунду, что эта проснувшаяся энергия усыпляет совесть. Пока.

Олег пришел вечером и усадил меня за стол:

– Дорогая, я знаю, что ты сейчас пьешь лекарства, и я помню про даты, которые рассчитаны для благоприятного зачатия, но, к сожалению, – я напряглась, а он продолжал, глубоко вдохнув, – я должен уехать в Барселону на месяц, партнеры организуют для нас командировку по обмену опытом, и…

Я не дала ему закончить и закричала:

– Рожать – это тебе не фрикасе жрать!!!

Он смотрел на меня растерянным взглядом, дыхание его остановилась.

– Что ты молчишь? – я не унималась, – для тебя важнее ресторан, обмен опытом! Мы шесть лет пытаемся, и я, а не ты, потребляю горы гормонов, заполняя ими каждую клетку!

Мне не хватало воздуха. Я была зла, растеряна, оглушена. Значит, все было насмарку, значит и сейчас мне не удастся даже попытаться стать мамой. Я выбежала из кухни, схватила платок и пальто. Надев первые попавшиеся сапоги, выскочила из квартиры и понеслась вниз. Слезы катились как будто из заранее наполненных резервуаров. Лицо обжег холодный ветер. От чего я обезумела: от того, что Олег пренебрег нашими планами или от этого сильного желания иметь ребенка? Но я больше неверна Олегу, я изменила ему, а сейчас я эгоистично кричала, забыв, что виновата перед ним гораздо больше. Я попирала мораль, совесть, но защищала свою правду.

Я брела, я бежала, я неслась, и я плелась, не замечая, как глотаю обжигающий холодный воздух. Мысли спутались в моток разноцветных ниток, разнофактурных и сумасшедших. Я понимала, как в один день изменилась моя жизнь: совершив поворот, она тут же пнула меня под гору или отбросила вверх, в свободный полет? Дойдя до первой открытой кофейни, зашла внутрь. Хотелось окунуться с головой в теплую-теплую воду, чтобы забыть обо всем, оказаться защищенной и свободной как в утробе матери. Олег не звонил. Не звонил, потому что обижен моим эгоизмом? Не звонил, потому что дает мне время остыть? Ощущения были противоречивые. Было противно и радостно одновременно. Сладко и горько. Я влюбилась. И я предала. Стало стыдно от ощущения счастья. Противно, нелепо, эгоистично. Я достала телефон и позвонила:

– Приезжай, скорее, пожалуйста, – и назвала адрес.

Часы прилежно отсчитывали секунды, слагающие мучительные минуты ожидания. Горячий кофе с молоком приятно согревал, хотя я продолжала дрожать. Звон чашек в кофейне, шипение машин для варки кофе, голоса посетителей, возгласы барменов, шум машин за стеклом слились воедино. Раз, два, три… Где же ты?

За стеклянными дверями я узнала знакомые очертания и занервничала.

– Марьяна, что случилось? – он вопросительно смотрел на меня.

– Извини, что выдернула тебя из дома. Разговор предстоит тяжелый и долгий: лучше сразу попроси кофе, – вымученно улыбнулась я.

– Конечно, – он улыбнулся в ответ и поцеловал меня в щеку.

Когда вернулся, я сглотнула и шепотом заговорила:

– Прошу выслушай и не перебивай меня, – я повернула голову в сторону улицы и уставилась на зеленый фонарь за окном. Это была исповедь счастливой и, одновременно, несчастной женщины.

Сделав необходимый вдох, я начала с главного:

– Я замужем. И мы с мужем вместе уже семь лет, шесть из которых мечтаем о ребенке. Я знаю, что не имею прав поступать так с ним, с тобой, но уже поздно. Я замужем, но это потеряло всякий смысл. И после нашей встречи совсем утратило его. Я запуталась: счастливая жизнь, омрачалась лишь тщетными попытками родить ребенка, но сейчас я понимаю, что это был туман, по которому я плыла, толкаемая вперед лишь мыслями о материнстве. Раньше я думала, что не способна на предательство. Но где находится та черта, когда заканчивается измена другому и начинается измена себе? Где расположена эта граница, перешагнув которую ты понимаешь, что разрушив брак, ты сумеешь сохранить себя? В какой момент возникает ощущение, что это не предательство, а инстинкт самосохранения? Что нет смысла лжи во спасение. Нет сил совершать обряд самопожертвования. Бессмысленно.

…Наступившим утром Себастиан собрался в церковь Мадлен. Его переполняли эмоции: злость на себя, на нее, неземная любовь к одной и приземленное влечение к другой. Бессонная ночь, как лихорадка, отразилась на его необычном лице. Глаза горели болезненным блеском, мужественные губы вздрагивали, а ангельские кудри были взъерошены как у ребенка. Он попросит Женевьеву поухаживать за их престарелой матерью, живущей в Понтуазе, тем самым убережет ее от беды.

Утро было чересчур прохладным и сулило пасмурный день. Он остановил экипаж и велел поторопиться к Мадлен. Расторопность извозчика ничуть не ободряла его, ветер из открытого окна трепал волосы, но он не мог вдохнуть полной грудью. Закрыв глаза, хриплым голосом шептал что-то бессвязное, перебирая деревянные бусы. Ни призывы продавцов сенсаций, ни возгласы торговок цветами, ни приветствия возниц не могли отвлечь его. Пахло свежей рыбой, свежим хлебом и свежими газетами. Благоухали бутоны и фрукты на прилавках. Его душа разлагалась, источая тлетворный запах. Нарочные, столпившиеся около здания почты перед утренней сменой, смеялись. Его глаза плакали. Сотрясаясь, он чувствовал, что небеса отторгают его мольбы. Никакие слова, никакие поступки не обелят его. Черное лишь станет серым, возможно будет бледнеть со временем, но белым – никогда.

Кучер резко остановил экипаж, и Себастиан вздрогнул. Открыв глаза, увидел людей, столпившихся у церкви. Выскочив из кареты, услышал обрывки фраз « Бедняжка… и такая молоденькая… совсем девочка… красавица..и как жалко мать..осталась одна… девушка… молоденькая… кормилица… и так жалко мать…» Сердце его оборвалось. Виски запульсировали. Зеваки окружили Женевьеву. На чей-то вопрос хором затараторили: « Да-да, и жандарма, и врача..» Он решил действовать быстро, скривил лицо, закрыл нижнюю часть платком и истошно закричал:

– Сестра, сестра! Кто это сделал с тобой?

В суматохе никто не узнал его. Он подхватил бесчувственное тело на руки и каким-то чудесным образом просочился сквозь толпу. И словно исчез. Себастиан, ощущая на своих бережных руках едва теплую плоть, шел стремительно и уверенно. Светлая ткань на ее животе жадно впитала кровь. Повернув за угол, увидел свободный экипаж и окрикнул извозчика. Поехали на бульвар Капуцинок.

Он мечтал скорее добраться до врача и оказать раненой девушке помощь. Парижский будний день вытащил на улицы, казалось, половину жителей и вереницы экипажей, что затрудняло быстрое движение кареты. Себастиан не простит себе смерть Женевьевы. Себастиан не простит Женевьеве, если накажут ту, другую.

Выехав на бульвар Капуцинок, он спрыгнул с подножки кареты и побежал к дому, в котором жил доктор. Кучеру велел двигаться туда же. После его звонка дверь отворила горничная:

– Месье Себастиан, месье Гюстав еще не закончил завтрак, но Вы…

– Дорогая Катарина, принесите и мне кофе, – Себастиан проворно отстранил ее, использовав при этом свою очаровательную улыбку, которая всегда избавляла его от докучливых вопросов, особенно женских.

Ворвавшись в столовую, он встретился с удивленным, но приветливым взглядом молодого доктора. Месье Гюставу было двадцать семь лет. Происходил он из династии уважаемых врачей, с удовольствием и рвением продолжал семейное дело. Страсть к профессии передалась ему по наследству. Пытливый ум не позволял ему быть ретроградом, искренняя любовь ко всему живому не позволяла навредить. Он был благоразумным новатором, находкой для науки и сокровищем для пациентов. Этот добрейшей души человек мог сказать «нет» твердо и безоговорочно, но если давал согласие, то отдавался обещанному без остатка.

– Себастиан, помнится в такую рань тебя не вытащить из постели! Что стряслось, дорогой друг? – он откинул курчавую прядь с лица.

– Здравствуй, Гюстав! Прошу тебя: одевайся! Умоляю! Не медли!

– И ты даже не позволишь мне допить кофе? – спросил Гюстав, уже вставая из-за стола.

– Тебе – нет, но сам выпью, – ответил Себастиан, увидев в дверях Катарину. Девушка держала в руках старинный поднос. На нем стоял кофейник, испуская пар, блюдо с пирожными-суфле и пиала с ягодами. Так обычно завтракал Себастиан в гостях у друга, даже в его

отсутствие. А Гюстав каждое утро отправлял Катарину в кондитерскую за свежими сластями на случай его визита.

Молодой врач покинул столовую и, спешно собираясь, крикнул из спальни:

– Я предполагаю, что должен взять портфель с инструментами и лекарствами?!

– Обязательно! – подтвердил Себастиан.

Горячий кофе обжигал горло, но молодой человек не обращал на это внимание. Ощущая болезненные спазмы в желудке, в котором со вчерашней ночи не было никакой пищи, он не мог даже притронуться к еде.

Как только два друга спустились со ступеней, то сразу увидели подъезжающий экипаж. «Наконец-то», – подумал Себастин с облегчением. Оба почти на ходу запрыгнули в карету. Увидев тело девушки, Гюстав воскликнул:

– Бог мой, Себастиан, не думал, что всё так серьезно!

Молодой врач открыл саквояж с инструментами и велел другу скорее расстенуть платье. Подготовившись, Гюстав начал осмотр. В течение этого времени Себастиан сидел неподвижно, уставившись в окно. Двигались медленно. Путь из центра города до окраины казался вечностью.

«Видит Бог, я пытаюсь спасти Женевьеву. Я ли пытаюсь? Я просто сижу рядом. Но как я виноват, я бескрайне виноват. Ехать к матери в Понтуаз теперь совсем нельзя. Мы взяли курс на северо-запад, значит поедем в Аржантёй. Там можно снять небольшой дом,» – мысли опаляли его плоть, то лихорадочно кружась, как искры от костра, то утекая на волю плавно, как горячая смола.

Все необходимые хирургические манипуляции заняли около двадцати пяти минут.

– Итак, Себастиан, – голос товарища был холодным и сухим, он редко называл его по имени, чаще обращаясь «дорогой друг», – дело серьезное. Я не хочу даже думать, что привело к такому исходу. Я выполнил свой долг. Далее уповаю исключительно на твою совесть, честь и здравый смысл. Эта девушка будет жить, но потребуется длительный период восстановления. Жизненно-важные органы не задеты, но потеря крови существенная. Я составил план лечения, – Гюстав протянул молодому человеку свернутый листок, отстраненно глядя ему в глаза, – и оставлю необходимые лекарства на несколько дней. Телеграфируй вечером куда прислать остальное. Более не хочу тебя видеть!

Потребовав остановить карету, Гюстав спрыгнул на землю.

Себастиан глубоко вдохнул. Странно, но он чувствовал легкость: недавнее присутствие друга, честного, доброго, справедливого, светлого и мужественного, тяготило его. Болезненно давило на его сознание. На сознание человека, который ненавидел и жалел себя. Давило на его самолюбие. Он был не такой. Не такой честный. Не такой справедливый.

Себастиан осознавал, что последние слова друга не задели его. Что может покалечить мертвую плоть, кто может ранить закоченевшую душу?

Женевьева полулежа на сиденье дышала медленно и глубоко. Мирно спящая девушка, на которую подействовало снотворное, казалась Себастиану барышней, утомившейся после прогулки, красивой и здоровой. Настолько умиротворенным было ее лицо. Но он знал, что по прошествии нескольких часов увидит Женевьеву, несчастную и раненую, и ему придется объяснить ей произошедшее. Себастиан размышлял вслух: как оправдаться перед ней? Но главное, как оправдать себя перед пристрастным судьей? Перед самим собой.

Карета ехала по проселочной дороге, пригретая неожиданным ярким солнцем и обдуваемая теплым южным ветром. Себастиан закрыл шторы на окне. Ему невыносимо было наблюдать девственную природу: цветущие грушевые сады, зеленеющие виноградники, лавандовые поля. Всё чистое, светлое, вечное. Всё непорочное, наивное. Всё былое. Вспомнилось детство: мама, славная и добрая, с утра причесывает их с братом, укладывая кудрявые пряди по-матерински бережно; запах свежеиспеченного печенья и какао; вдалеке поля

Понтуаза и мамины слова о двух ангелах. В какой момент он отпустил руку брата и сошел с верной дороги?

В Комеди Франсез собралась светская публика. Скорее свет и полусвет. Но это не мешало и тем и другим блистать. Она появилась за полчаса до спектакля. Свежая. Румяная от вечерней прохлады. Черное атласное платье, тонкое кружево декольте и темно-бардовые каллы в волосах. Свет люстры, заливающий холл, перехватывали сотни светильников на стенах. Мерцание огней не проливало свет лишь на ее преступление. Она была невозмутима. С гордо поднятой головой. В ее глазах находили отражение миллионы лучей, сотни глаз. И лишь глаза Реми, вошедшего следом, не могли заглянуть туда. Она боялась смотреть на него. Прошли в ложу, где она завела непринужденную беседу о какой-то научной ерунде, как сама выразилась. Первое действие смотрела с любопытством, а в конце резюмировала:

– Реми, Вы не находите, что Жанна сегодня бесподобна. Пусть она не так молода, как изображал Ренуар на свои полотнах, но ее красота не верит времени. Как будто. Может мадам Самари в сговоре с дьяволом?

– Дорогая, не судите по себе. А Жанна действительно прелестна. – сегодня он отвечал ей как ребенку, укорительно-шутливо. Но сердце его клокотало: он знал, что она сбежала той ночью, догадывался, что задумала что-то. Кожей ощущал все ее тайны, но, не обладая возможностью проникнуть в ее душу, страдал. Боясь задать прямой вопрос, боясь вспышки ее гнева, тело его напоминало вулкан, сердце плавилось как лава, горело и трещало, а мысли искрились как порох, сговорившийся с огнем.

Со следующим театральным действием ее будто накрыло волной. На подмостках король забавлялся, а шут негодовал, защищая свою дочь. Драма на сцене откликнулась бурей в ее сердце. Она подобрала складки наряда и, задыхаясь, покинула зал. Реми не кинулся за ней, усилием воли не бросился следом: он был опустошен и зол, одновременно бессилен и могуч, слаб и горяч. «Подите к черту! Я устал от Вас! Пусть я люблю Вас всем сердцем! Но и ненавижу Вас каждым нейроном мозга! – не следя за действием на сцене, думал он. – Завтра я покину Париж. Не видеть Вас целый месяц великое счастье! Я буду свободен! И страшная мука! Я все равно не найду себе места! Ни в Вене, ни в Цюрихе, ни в Риме!»

Она держалась до дверей театра, выйдя на улицу, слезы отчаянно хлынули из глаз: «Бедная девочка! Что я наделала! Не будет мне прощения! Никогда!» – она почти бежала. Обернувшись, с облегчением отметила, что Реми не пошел следом. Быстрыми шагами направилась домой: пускай темно, пускай опасно. «Я более опасна для этого мира, чем он для меня».

Глава 2

…Сквозь плотные гардины почти не проникал утренний свет, лишь тонкая, как лезвие бритвы, янтарная полоска разделяла комнату. Она чувствовала напряжение: утомительная волокита с наследством скульптора Клезенже продолжалась уже несколько лет. Многие не верили, что роспись Огюста подлинная, что она единственная наследница, что состояние нажито честным трудом, что банк не округлил сумму в свою пользу. И все возмущались: почему он завещал состояние ей. С самого начала было ясно, что кривотолков не избежать. Эта история была окутана паутиной мнимых и реальных махинаций, покрыта плесенью прошлогодних газетных сенсаций и разоблачающих заявлений. В ближайшие недели дело должно наконец разрешиться: еще несколько визитов к адвокату, нотариусу, пара встреч с поверенным Клезенже и заседание суда. Сегодня ее утренний туалет занял чуть меньше часа, пришло время завтрака, но тело, оплетенное нервами, как проволокой, сопротивлялось и отторгало его. Она заставила себя выпить горький кофе и съесть ароматную галету.

Весна уже правила в Париже: не кружила облаками, не моросила дождем, не сбивала шляпки ветром. Теперешняя весна была щедрым и ласковым монархом: баловала подданных не по заслугам.

Экипаж доехал до здания банка. Она вышла на улицу, закрываясь от солнца небольшим зонтом.

Встреча с поверенным, нотариусом и представителем банка продлилась около двух часов. По окончании стало невыносимо душно, сказывалась довольно жаркая для весны погода. Всех мучила жажда воды. И жажда денег. От этого не избавил бы даже кристально-чистый родник, бурлящий в горах.

Недалеко от здания биржи располагался небольшой ресторан, где они с Реми имели обыкновение обедать по вторникам. Войдя в зал, она не увидела того, кого ожидала. Непривычно. Она ведь пришла позже обычного времени. Уязвленное самолюбие укололо сердце, задетая гордость и досада вспыхнули в ней. Но решив не менять планов, она стремительно прошла ко всегда свободному столу. Предупредительный управляющий едва успел подскочить и отодвинуть стул.

Сердце лихорадочно билось, пока она ела суп. К десерту она уже умиротворенно наблюдала за двумя жуками и бабочкой на подоконнике, по ту сторону окна. Спинки их отливали бронзой, горели на солнце золотом, жуки-тяжеловесы упрямо смотрели друг на друга, похожие на фараонов в богатых одеяниях. Бабочка, на крыльях которой кружились как в калейдоскопе брызги шампанского, искры фейерверка, фиалки, розы, незабудки, керамические осколки и морская пена, тоже, казалось, наблюдала за ними. Еще одна дева, уже утомленная парижским солнцем.

Подняв глаза, она обнаружила Реми, стоявшего рядом.

– Я отправил багаж на вокзал, надеюсь не опоздать на поезд, – оправдывался он. Всё-таки сердце сразило разум в мучительной схватке.

Равнодушная, она уже не смотрела на него, поправляя белые фрезии в волосах.

Реми едва успел на поезд. Зайдя в купе, с облегчением обнаружил свой багаж. Открыл вместительный саквояж и с удовольствием, на которое был способен после встречи с ней, отметил, что все рукописи в целости, и что в спешке он положил даже больше материала, чем нужно. Переоделся в новую одежду и пошел в ресторан.

«Разве любовь может быть совсем без чувств – слепа и глуха? Неужели никогда мой разум и мое сердце не охладеет к ней? И почему никогда?»

За окном проплывали разноцветные поля, пролески, воздушные облака, сначала пригороды Парижа, затем – отдаленные деревеньки. А он всё сидел в размышлениях, опусто-

шенный и меланхоличный. Чему человек должен доверять больше: сердцу или мозгу? Оба органа жизненно важны: один снабжает каждый орган кровью с кислородом, другой – манипулирует частями тела. Мозг обычного человека не властен над сердцем, сердце обычного человека по своей воле не может перестать обеспечивать мозг кислородом. Они существовать не могут друг без друга, так и живут в вечной борьбе. И чем жить ему? Душой или разумом? Всякий раз погибать несчастным и возрождаться счастливым? Или оставаться рационалистом, сохраняя равновесие, не пуская эмоции дальше головы? Первое и второе опасно. Первое – спуск по горной дороге, когда на встречу дует сильный пыльный ветер, а сзади преследует вихрь из камней. Второе – тропинка в пустыне, где каждый шаг сопровождается мыслью о змее, которая может внезапно вылезти из раскаленного песка. Оба пути мучительны.

Реми лег спать далеко за полночь. Последнее о чем он подумал перед сном, что в сумато́хе совсем забыл вчера о своем дне рождения. Влажная ночь робко стучалась в окно мелкими каплями дождя.

Он рылся в холодной мокрой земле голыми руками. Пробираясь непослушными пальцами все глубже. Комья глины были перемешаны с жемчужинами размером больше лесных орехов, с перламутровыми раковинами. Он отбрасывал их в стороны и продолжал копать. Следующий слой почвы был перемешан с золотыми монетами. Он пробрался еще глубже, пальцы увязли во влажной блестящей массе червей. Ошеломленный, он резко одернул руки.

Реми вскрикнул и открыл глаза. Вздох облегчения. И решение, как поплавок, вырвалось на поверхность темных вод.

Гюстав опоздал в клинику. Путь с окраины Парижа до центра отнял много времени. Дорога была нелёгкой: он всеми силами пытался унять негодование в душе. Пришел истощенный, в дорожной пыли – даже коллеги едва узнали его. Помощница принесла свежий халат и принялась чистить инструменты. Кофе взбодрил его: день начался печально, но другие пациенты в этом не виноваты. На сегодня назначены три операции, не считая страждущих, поступающих с острой болью.

Через десять минут Гюстав опять чувствовал слабость: воздействие кофе прошло моментально. Молодой человек опустился на стул. Необходимо подготовиться к первой операции. Он достал бумаги и склонился над столом. Но никак не мог сосредоточиться. Гюстав по несколько раз перечитывал абзацы заключения, но мозг не усваивал ни капли информации. Его мысли были далеко: в той карете, витая над девушкой как прозрачные мотыльки.

– Месье Гюстав, пациент подготовлен к операции, – помощница заглянула в кабинет.

– Да-да, через пять минут начинаем, – рассеянно откликнулся он, наливая стакан воды.

Молодой человек поднялся и распахнул створки окна: свежий ветер приятно охлаждал. Он закрыл глаза и попытался сконцентрироваться.

Затем умыл лицо холодной водой и прошел в операционную.

– Гюстав, здравствуй, дорогой друг, – мужчина средних лет шел ему на встречу.

– Жюль, добрый день, – ответил он, – сегодня Вы..?

– Да, я Вам буду ассистировать, – он не дал Гюставу закончить вопрос.

Молодой врач едва заметно нахмурился.

Операция оказалась сложнее, чем предполагалось, и заняла в два раза больше времени. Больной едва не умер. Такое с Гюставом было впервые. Больной чуть не умер, потому что Гюстав был рассеян.

…Я продолжала говорить, объясняя, наверное, прежде всего себе свою жизнь. Зеленый свет за окном продолжал гореть. Зеленый – цвет надежды. В моей груди разлилась приятная теплота: от ощущения освобождения. Просветление исповеди.

Я подняла глаза. Две бесценные лазурные монеты несуществующей страны все это время смотрели на меня. Он молчал, я видела, как слова запеклись на его губах. Говорили

глаза. Невероятно, как они вели со мной свой монолог. Кто мне поверит, если я скажу, что две голубых окружности стали для меня спасением? Стали моей любовью. Кто поверит, что я слышала его мысли, которые неслись по упругим нитям, связывающим наши взгляды? Надолго.

Он встал, взял мою руку, и мы вышли из помещения. Я покорно шла за ним. На тротуаре стоял мотоцикл.

– Я хочу, чтобы ты доверилась мне. Я никогда не сделаю тебе больно. Я прошу тебя лишь всегда быть со мной честной. Это самое важное для меня. Садись, – теперь он улыбался, ласково приглаживая ладонью мои растрепанные волосы. – Я хочу покатать тебя по городу, чтобы ты успокоилась.

Если бы я могла вечно смотреть в его глаза, я бы отдала за это все сокровища. Глаза, которые в час бессонницы, напевали мне убаюкивающие колыбельные. Которые в минуты мучительных сомнений указывали мне верный путь. Глаза, отвечавшие на вопросы, о которых я молчала. Глаза, которые соблазняли меня, увлекали за собой, смеялись надо мной, которые меня совращали, интриговали. Никогда не злились на меня. И любили.

Я обняла его и заплакала. Слёзы бесконечными струйками покатились из глаз. Мысли-кораблики потонули в моей голове.

– Я люблю тебя.

Кто это сказал?

Когда встретились наши зрачки, то взорвались тысячи звезд, и, наверняка, в каком-то далеком городе отключилось электричество. Стая птиц сбилась с пути. Индус на секунду забыл в какой пропорции смешивать краски.

Кто-то не поверит тому, как я любила его. Его ироничную полуулыбку, которая возбуждала меня и делала самой счастливой. И его глаза, обладающие магической способностью передавать информацию, вести со мной немой диалог. Не поверит. Но это было.

Ловко маневрируя между машинами, он вел мотоцикл. Я обняла его, прижавшись всем телом, и смотрела в даль. Мимо колючих огней частокола фонарей, мимо черных зданий с окнами-ртами. Я забыла обо всем и просто дышала, смотрела, жила.

Мы свернули с главной дороги в переулок и остановились.

– Марьяша, приглашаю тебя в гости, – он повернулся ко мне.

Когда открылась дверь квартиры, то на нас хлынул неоновый свет.

– Что это? – удивилась я, переступая порог.

В холле располагался гигантский аквариум. Это был океан: ажурные коралловые рифы тянулись ветвями из его недр, оплетаемые изумрудной зеленью, белый песок, устилающий дно, россыпи безупречных морских ракушек и настоящая рождественская ярмарка морских обитателей. Зрелище завораживало. И я видела звезды над этим океаном.

– У меня немного фетишей, но океан и скорость – одни из них.

Мы прошли в комнату. Ее пространство заполняли сотни фотографий на стенах.

– Я, действительно, люблю воду, – он виновато улыбался.

Картинки рассказывали о его увлечениях: дайвинг, серфинг, парусный спорт.

Он, видя мое замешательство, начал рассказывать.

– Но самое серьезное и самое любимое – это свободное погружение.

Я посмотрела вопросительно.

– Погружение на глубину с задержкой дыхания, – пояснил он.

На несколько секунд стало невыносимо одиноко. Душно, больно. Я боюсь глубины. Он, видя мою растерянность, подошел и поцеловал.

…Через несколько часов экипаж въехал в Аржантёй. Себастиан велел кучеру подождать и отправился искать подходящее жилье. Женевьева всё еще спала под воздействием лекарств.

Себастиан зашел в таверню и попросил чашку кофе, ликер и галеты. Затем справился у хозяина «не сдается ли поблизости небольшой дом».

– Да, месье, считайте, что вы счастливчик, – Себастиан в ответ нервно сглотнул, – проедите вдоль по нашей улице, в конце свернете налево, и через милю увидите отличное жилье.

Себастиан поблагодарил его и расплатился. Выпил ликер и съел галету. Чашка кофе так и осталась на столешнице нетронутой, испуская пар как выдохшийся вулкан.

Когда Себастиан вернулся, то застал Женевьеву сидящей на подножке кареты. От чистого весеннего воздуха ее лицо порозовело. Себастиан, который спешил к ней спящей, вдруг почувствовал едва преодолимую слабость в ногах. Он боялся подойти к ней, ожившей и ждущей его объяснений.

– Месье Себастиан, где мы? Почему мы здесь? – она смотрела на него глазами-бабочками с трепещущими ресницами. Вопрос прозвучал тревожно, голос был слабый, но серые глаза смотрели спокойно.

– Женевьева, какой-то сумасшедший набросился на тебя около церкви Мадлен и ранил ножом. Сейчас мы приехали в Аржантёй.

– Месье, но зачем мы здесь? Почему Вы не отвезли меня домой? Сегодня у меня много работы, и мать просила помочь.

– Я не хотел беспокоить ее. Мы отправим ей письмо. Ты поправишься и скоро вернешься в Париж. Не волнуйся: я навещу твою маму и помогу всем необходимым. Ты голодна?

Женевьева доверчиво смотрела на него.

Ее лицо вдруг исказилось от боли: наркоз окончательно утратил свою силу, и она без слов опустилась на пол кареты.

Себастиан неловко протиснулся в экипаж и бережно уложил девушку на сиденье, одновременно сообщая извозчику маршрут.

Сверившись с рецептом, он дал ей лекарство.

Поездка по брусчатой дороге причиняла Женевьеве невероятную боль: она молчала, лишь слёзы медленно стекали по щекам. Вскоре возница остановил лошадей, и Себастиан вышел на улицу. Снаружи дом выглядел прелестно. Окруженный садом он вдруг показался Себастиану островом спасения.

Хозяин дома назначил довольно высокую арендную плату, но Себастиан, не медля, согласился.

Молодой человек разместил Женевьеву в спальне на первом этаже, сам же расположился в большой комнате под крышей. Себастиан нестерпимо хотел спать, но до закрытия базара оставалось мало времени и надо было успеть. Ближе к вечеру солнце скрылось за тучами, и становилось прохладно – Себастиан набросил на плечи накидку, висевшую около двери. Сперва он отправился на почту, а затем – на рынок недалеко от набережной.

Вернувшись домой, Себастиан обнаружил, что девушка всё еще погружена в сон. Он накрыл ее вторым одеялом и вернулся на кухню. Ужин был на столе через час, включая бульон для Женевьевы, закуски и сырный суп.

Наконец Реми прибыл в вечный город. Уже на перроне он ощутил свежий чистый воздух и алчно глотал его: как будто рельсы, унесшие его за тысячи миль, перерезали путы, медленно душившие его. По пути в гостиницу он размышлял, как проведет вечер этого дня: в дороге у него было достаточно времени подготовиться к выступлению, поэтому он мог позволить себе отдохнуть. Разместившись, он сел за стол и быстро написал несколько писем и открыток, а спустившись вниз, велел отнести их на почту. Писатель быстрым упругим шагом направился к Замку Святого Ангела. Когда-то белая, а теперь серая мраморная громадина была его любимым сооружением в Риме. Он мог часами стоять на мосту и размыш-

лять. Любоваться и думать. Вечер был теплый. Та самая погода, когда природа заставляет забыть обо всем, создавая для человека совершенно комфортные условия.

Реми стоял уже больше часа на мосту, ангажированный своей памятью на танец с прошлым. Вдруг сквозь музыку он услышал чей-то голос:

– Месье, Вы же француз?

Реми растерянно обернулся. Глаза-миндалины, блестящие, цвета гречишного меда насмешливо изучали его. Глаза уверенной женщины. И она показалась Реми вихрем в этом безветрии.

– Вы совершенно правы, я француз, – он совладал с собой и ответил ей мягкой улыбкой. Тон его голоса вторил ей.

Правила игры были установлены. И приняты обеими сторонами.

– Это видно по костюму. И по отсутствию какого-либо загара.

– И еще Вы так точны в выводах потому, что прожили во Франции немало лет.

Пытливые глаза сверкнули любопытством.

– Об этом свидетельствует Ваш французский акцент, который будоражит певучий итальянский.

Она с еще большим интересом смотрела на него:

– Вы обладаете тонким для мужчины восприятием. Если Вы голодны, то приглашаю Вас на ужин.

– А если нет?

– А если нет, то буду не против, если Вы составите мне компанию.

– Вы крайне убедительны сегодня.

– Клаудия, – она рассмеялась.– Сегодня и всегда.

– Реми де Гурмон.

Она протянула ему руку:

– Клаудия Лаура Ангиссола. Вернемся на берег Тибра. Недалеко от площади Навона есть премилый ресторан.

Клаудия шла чуть впереди него – это давало возможность рассмотреть ее. Прямые черные волосы, концы которых заплетены в витиеватую прическу, были украшены алыми цветами. Высокая грудь, обтянутая черным корсетом. Изящные руки, скрывавшиеся под кружевным материалом. Плавные изгибы под шелковой струящейся юбкой. Оливковый оттенок кожи, ставший еще ярче под закатным солнцем. Она смотрела в сторону Ватикана и молчала, казалось, умышленно давая Реми время рассмотреть себя.

– Вы много путешествуете? – спросил он непринужденно.

– Путешествую? Я живу в дороге. – она улыбалась.– Другие страны дают мне вдохновение.

– Вы..? – Реми замешкался.

– Художница, – ответила она, – возможно для Вас будет открытием, но мы гораздо раньше вас стали рисовать на пленэре, и уже давно во власти впечатлений.

– Значит Вы импрессионист? Я очарован этим направлением.

– Воистину! – согласилась Клаудия.

– Но почему я никогда о Вас не слышал? – удивился он.

– У меня нет нужды зарабатывать деньги. Я дарю картины друзьям, – ответила она.

– А как же жажда признания?

– Я не тщеславна. Живопись для меня – не способ выразить талант. Холст с красками – отражение моего сердца.

Площадь Навона была переполнена людьми.

– Я счастлива, что уже почти двадцать лет на площади нет городского рынка. Теперь Пьяцца Навона всецело принадлежит искусству. Вы любите Бернини?

– Вы хотите узнать нравится ли мне фонтан Четырех рек? – со смехом спросил Реми. – Нравится, особенно, Дунай.

Она расхохоталась.

– Месье Реми, мы уже пришли. Надеюсь, Вы проголодались, – заметила Клаудия.

Они расположились на веранде, украшенной бесчисленным количеством кадок с гортензиями: лиловыми, розовыми, белыми, нежно-голубыми. Итальянка и француз были увлечены друг другом, не замечая, как менялись блюда за столом, наполнялись бокалы, убиралась посуда.

– Дойдем до Колизея, – предложила Клаудия, – ближе к ночи эта глазастая махина прекрасна.

– С удовольствием, – кивнул Реми, и Клаудия взяла его под руку.

Около Колизея они остановились.

– Сотни раз прихожу сюда исполненная желания его запечатлеть, но.. – Клаудия вздохнула. – Вы видите этот невероятный цвет? Это травертин из каменоломен в Тиволи. Мне никак не удается повторить этот светло-желтый оттенок и…

Реми не в силах был позволить ей договорить.

…Губы схлестнулись друг с другом в порыве голодном и нужном. Зная друг о друге так мало, и чувствуя друг друга так сильно, тела сплелись как ветер и волна, образуя вихрь. Каждое движение было осмысленно и инстинктивно одновременно. Это был первобытный танец. Нетронутый сознанием. Естественный. Исходный. Начало начал. Это была баллада о любви. Полная самопожертвования, в которой наслаждение другого было аксиомой. Казалось, что это может продолжаться бесконечно. Время утратило свою власть. Только глаза, жадные, безумные, блестящие горели в темноте. Опасные скалы, разреженный воздух. Мало кислорода и трудно дышать. Только руки, сильные, страстные, горячие. Горные реки с быстрым теченьем. Водовороты, водопады. Только тела. Странники под звёздами. Под безупречным небом. Счастливые. Свободные.

Глава 3

…Клаудия без труда уговорила Реми поехать в Австрию с остановкой в Венеции.

– Дорогой месье, Вы не пожалеете! Вы непременно влюбитесь в этот город! – пообещала она ему, поднимаясь на ступеньку поезда.

– Синьорина Ангиссола, а Вы не ревнуете? – с улыбкой спросил Реми.

– Что Вы! К Богам не ревнуют, – ответила она серьезно, – Жаль, что мы пропустили карнавал. Зато я буду иметь возможность написать Вас на пленэре без суеты.

Венецианская лагуна встретила их гостеприимно: солнцем, изливающимся на острова потоками золотистого вина и чистым небом, отражающимся в каналах и протоках.

– Красивая колокольня, – заметил Реми на площади Святого Марка, – как свеча.

– Когда-нибудь эта свечка расплавится. – ответила Клаудия. – Идемте на мост Риальто, прокатимся по Гранд-каналу: хочу показать Вам мои любимые дворцы.

Но Клаудия ошиблась: сердце Реми уже было занято. В нем не было больше не места. Для третьей. Теперь он разрывался на две части. Вдруг вспомнив про ту, которая осталась в Париже, о которой он забыл на несколько дней, Реми осознал, что окончательно запутался. Теперь две его ноги попали в капканы. Итальянка, размеренная, вместе с тем чувственная, прямолинейная, но загадочная, захватила его. Она была непредсказуемой, иногда говорила намёками, пребывая в шутливом настроении. Она была искренней, отвечая и спрашивая без подвохов и экивоков, когда была серьезна. Реми чувствовал, что разматывая клубок, врученный ею, он может не беспокоиться. Но француженка, пылкая, опасная, необузданная, неизведанная, порочная, ядовитая, никак не отпускала его.

…Я вернулась домой рано утром. Олег сидел на кухне. От сигаретного дыма сразу закружилась голова. Ярко-салатовые листья за окном контрастировали с морозным узором на наших окнах. Я сказала «наших»? А разве есть «мы»? Безбрежное чистое небо раздавило маленькое ограниченное пространство.

– Как дела? – муж повернулся в мою сторону.– Завтра утром самолет, напиши список.

– Какой?

– То, что привезти.

– А говорить? Разве мы не будем говорить? Сейчас! – я опять кричала.

– Давай поговорим, когда я вернусь. У нас есть время подумать.

– Ты знаешь?

– Я догадался.

Выходом из этого тумана была бездна. Разве бездна может быть выходом? И о чем мы будем думать, если теперь нас разделяет пропасть?

Алена два часа слушала меня, а потом спросила:

– Марьяша, ты знаешь, что всё, что не делается, к лучшему?

Я молчала.

– Олег – замечательный человек, но случилось то, что случилось. Значит так надо, значит так задумано. И ты не виновата. Всё когда-нибудь заканчивается.

– Ты, правда, думаешь, что я не виновата?

– Я верю в любовь.

Олег подошел и положил руку на мое плечо:

– Я уже собрал чемодан. Переночую в гостинице. Что привезти?

Я отвернулась. В глазах стояли слёзы. Боже мой, как мне было плохо. Как будто от меня отрывали часть моей плоти. И я сама тому причина. А голос мужа был таким умиротворенным, что я ощущала себя палачом. Виноватой. Виноватой. Виноватой.

– Ничего… Не нужно… Легкой дороги.

Как только закрылась дверь, я разрыдалась. Я не плакала. Я ревела. Я разрушила свою семью. И вдруг осознала, что это реальность.

Следующие несколько недель были мучительными. Обстоятельства сложились так, что я осталась одна. Ни Олега. Ни Алены. И он уехал. Никого. Я слонялась по квартире. Работать не могла. Готовить не хотела. Без остановки смотрела фильмы о любви и плакала. Точнее: без остановки плакала. Обо всем. Обо всех. О себе. Спала. Или плакала. Постоянно болела голова. Болело ли моё сердце? Я даже не знаю, осталось ли оно у меня. Внутри была пустота, которую я чувствовала физически. С каждым вдохом.

Когда заглянула в почтовый ящик, то среди кипы рекламных буклетов и листовок, я обнаружила три открытки. Как будто сговорились.

«Марьяша, прости, что мне пришлось уехать. Поездка была запланирована давно, и я не могла ее отменить. Ты же знаешь. Извини, что не смогла быть рядом. Скоро приеду. В любом случае не грусти. Надеюсь, твоя любовь с тобой. Алена» Своевременно. Со мной не было никого. Иногда в жизни случается так, что мы попадаем в вакуум. Сами ли его создаем или жизнь, но мы остаемся в одиночестве. Со своими мыслями, страхами, желаниями, чувствами. И это нужно лишь пережить. Найти силы и пережить.

В чем разница между «одиночеством» и «уединением»? Первое – принудительно, второе – добровольно. Но бывает, что мы обманываем сами себя, и выдаем то, что с нами происходит за осознанный выбор.

«Марьяша, прости, что уехал. Я сам во всем виноват. В суматохе семья отошла на второй план. Только работа, работа, работа. Я тебя люблю. По-прежнему. Но знаю, что мы не сможем вернуть утерянное. Пусть будет так. Олег» Никто не виноват. И оба виноваты. И ничего не вернуть. Привычный круг. Наш мир. Вокруг. Мы ходим, за руки держась. Кругами.

«Марьяша, пройдет всего три недели, и я вернусь. К тебе» Вот этого я ждала. Я улыбалась.

Этим утром, я шла в церковь, чтобы молиться о спасении, просить о защите. Теперь я иду туда, чтобы благодарить. Я знаю, что нужно пережить много мучительных часов. И их можно пережить. Чтобы быть счастливой. Всего от нескольких слов.

…Каждый день дом прогревался от солнца, но к вечеру остывал – жильцов спасал камин в гостиной. Горячее дыхание поленьев не топило лишь лед в сердце.

Около месяца потребовалось Женевьеве, чтобы поправиться. Через две недели девушка уже не ощущала постоянных головокружений, а еще через семь дней рана почти зажила. Себастиан постоянно находился с ней. Лишь дважды он отлучался в Париж ранним утром, пока Женевьева спала, да пару раз ездил в Понтуаз навестить мать. Себастиан был заботлив и спокоен. Но какую цену платил он за эту маску? Изнутри тысяча сомнений, обвинений, страхов, порочных мыслей терпеливо убивали его. Сейчас он находился в бельведере своего сознания: мог с высшей точки обозревать самого себя, свою натуру.

Когда Женевьева совсем оправилась и уже не чувствовала сонливость после обеда, они отправлялись гулять на набережную. Запечатлеть Сену в Аржантёй настоящее искусство: парусники, яхты, лодки, казалось, никогда не останавливались. На восходе, в полдень, вечером они чертили на речной глади свои путеводные карты. Предзакатное солнце создавало ощущение туманности в воздухе: густоты и насыщенности. Когда же оно клонилось к горизонту, то краски становились ярче, а очертания – четче. На набережной в это время творилось истинное безумие: потрясающего свойства закаты будоражили воображение жителей. Деревья на берегу, вода, солнце сливались воедино в медленном танце угасания дня. И лишь небо минута за минутой до занавеса меняло костюмы. Вольно и непредсказуемо. Солнце кланялось зрителям. Ежедневный праздничный спектакль был окончен.

Женевьева и Себастиан стояли на берегу Сены, когда к ним подошел мужчина.

– Добрый вечер! Вы видели это представление? В Эраньи такого не бывает, – начал он разговор.

– Согласен. Зрелище вдохновляет, – ответил Себастиан.

– Как верно Вы заметили, – удивился он, – вдохновляет. Я как раз намеревался предложить Вашей спутнице позировать мне.

Он с улыбкой посмотрел на Женевьеву, затем протянул руку Себастиану и представился:

– Камиль Писсаро.

– Мастер Писсаро, – задумчиво произнес молодой человек, – Себастиан. Думаю Женевьева с удовольствием станет Вашей натурщицей.

Женевьева с улыбкой ответила:

– Да, месье Писсаро, с радостью.

Во взгляде Себастиана отразилось удивление: тон ее голоса был не просто любезный, в ней говорило достоинство. За этот месяц в ней произошли поразительные перемены: из застенчивой, кроткой девушки она превратилась в уверенную женщину. Но не было ни толики надменности, холодности, высокомерия. Она просто повзрослела. До этого момента Себастиан не замечал случившейся метаморфозы: продолжая любить Женевьеву чистой любовью, на которую был способен, он запрещал себе всякие мысли о телесном в наказание, был погружен в размышления об искуплении вины. Но сейчас был поражен как стрелой молнии. Превращением Женевьевы. Накатившейся волной желания, которого доселе никогда к ней не испытывал.

На следующий день Женевьева и Себастиан снова пришли на набережную Сены. Мастер уже был там. Пока он писал, молча и сосредоточенно, Женевьева позируя, была расслаблена. Молодой человек сидел на траве неподалёку и размышлял: что за перемена произошла в ней? Может ли он рассчитывать на взаимность? Как ему подавить влечение к той другой?

Тесные улочки Парижа до полудня способны сохранять прохладу. Но зенитное солнце лишает их этой возможности. Брусчатка под ногами сначала теплая, а затем – обжигающая.

– Мы все подвластны весеннему сумасшествию, летней влюбленности, осенней хандре и зимней скуке. Как все циклично: в природе и в обществе. В вопросах жизни. Мы порхаем, даруем, знаем, затем ползем, умоляем, не ведаем, затем снова взлетаем, живем, чувствуем, потом опять падаем и стонем, вопрошая.

– Но иногда же бывает наоборот? Мы наслаждаемся целый год.

– И это тоже циклично. И скорее вопреки земным законам. Но недолго человека хватает бороться с мирозданием. Чаще Вселенная возвращает власть себе. И плохо приходится тому, кто осмелился идти поперек.

– Как цинично это звучит! Вы ведь не верите в любовь. Вы любили когда-нибудь?

– Любила. Люблю. Но всегда это лишь страдание. Настоящая любовь – это болезнь. Истинные терзания. Предпочитаю испытывать их дозировано. А как насчет лекарства от любви?

– О чем Вы говорите?

– О том, что способность не любить может спасти душу.

– А способность любить?

– Тоже может. Спасти и погубить.

Они прогуливались по кварталу Маре. Дороги парижских бульваров были раскалены жарким солнцем. Она была одета в шелковое платье цвета слоновой кости, освещенное ярким светом оно казалось почти прозрачным.

– Как Вы думаете, где нам удастся спрятаться от жары? – задала она вопрос и тут же заключила, – я думаю посетить Карнавале. Хочется больше Парижа, но такая температура невыносима.

И она резким движением увлекла спутника в переулок. Несколько пепельно-розовых лепестков гортензии слетели с ее головы.

– А где кофе для месье?

В ответ гарсон удивленно задрал бровь над глазом желтого кошачьего цвета.

– М-м-м-мееэс-сь-е? К-к-которого? – спросил он, заикаясь.

Она в изумлении повела рукой направо:

– Моего друга Жана Гюйо.

Официант резво закивал и быстро вернулся с подносом. Затем также моментально исчез.

– Величайший философ и поэт Жан Мари Гюйо умер 31 марта сего года от туберкулеза в возрасте 33 лет в Мантоне.– он перечитал сводку недавней газеты. – Париж сходит с ума, – прошептал он, тараща глаза и оглядываясь.

Глава 4

…Она легла в кровать почти на рассвете. На час. Возбужденная. Питаемая надеждами. Совсем немного отделяло ее от желанного.

Атмосфера окутала город туманной дымкой. Собор Парижской Богоматери в первых лучах майского солнца, казалось, застыл над землей. Таинственный, мрачный корабль-молох парил. Переполненная сокровищница: витражи-павлины, искусные фрески, бесконечная линия колонн, залитых медовым светом. Величественный и магический. Перспектива тянула, манила к алтарю неведомой силой веков. И при всей внешней несбалансированности, архитектурном дуализме, он был прекрасен снаружи, и идеален внутри.

Она торопилась. Себастиан уже стоял на мосту и смотрел в сторону восходящего солнца. Каменные перила были покрыты росой. Лицо его было спокойным, но сосредоточенным, а мокрые пальцы перебирали деревянные бусы.

Сначала она прошла мимо, не заметив его фигуру, но он окликнул ее:

– Мадам, видит Бог, у меня прекрасное обоняние: я почувствовал аромат пионов, только Вы ступили на мост.

Она обернулась и радостно протянула ему на встречу руки:

– Это Вам.

– Но не для меня, – с улыбкой заметил молодой человек, – надеюсь, Вы всё сделали верно. Но остался один нюанс, который удастся выполнить лишь в лаборатории. Я вернусь к собору примерно через час. В это время священники архиепархии будут входить внутрь. Ждите меня: Вы должны увидеть завершение обряда.

Себастиан направился в Отель-Дьё: он знал, что каждое первое число месяца Гюстав проводит консультации в этой парижской больнице. Молодой человек почти не волновался перед встречей с другом: столько было им передумано за время, прошедшее с их последней встречи, что он едва мог чувствовать что-то. Он был словно высохший организм, испещренный пустыми капиллярами. Эмоции умерли. Остался трезвый разум.

В холле больницы он попросил медсестру позвать друга, а сам присел на скамью. Молодой врач появился через пятнадцать минут.

– Здравствуй, Себастиан, – произнес он спокойным голосом. Лицо его было жестяной маской, но глаза смотрели печально.

– Гюстав, я должен объясниться с тобой. Я…

– Пойдем в кабинет, – доктор указал в сторону коридора.

Себастиан встал, и они покинули холл.

– Гюстав, я знаю, как сильно виноват. И я всеми силами пытаюсь искупить содеянное. Я порочен. И самое страшное, что я понимаю это. Ты не поверишь моим словам, но я искренне желаю этой девушке счастья. Сейчас это единственное чистое чувство в моем сердце. Остальное – дебри терновника. Но ты должен поверить в то, что я осознал свои ошибки, – теперь с каждым произнесенным словом неведомый огонь разгорался в его глазах.

– Себастиан, ты всегда был моим другом. И ты знаешь, что я никогда не судил тебя: я высказывал свою точку зрения, а ты был волен сам делать выбор. Но я не мог принять случившегося. Как врач. Как человек. Как твой товарищ. Я не мог смотреть, как мой друг падает так низко. Ты знал, что я готов помочь тебе, но тебе не нужна была моя помощь. К сожалению. Сейчас ты увидел свои грехи. И если ты, действительно, осознал это, то я бесконечно рад, – Гюстав смотрел в глаза Себастиану. В его глазах были слезы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.